

Дикий носок

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дикий Носок
Обычное дело

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дикий Носок

Обычное дело / Дикий Носок — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Больше не будет неспешного капучино с пироженкой и бабушкиного вишневого пирога. Никому не будут нужны твои отзывы на новый сериал и отчет о тест-драйве нового крема от морщин (купероза, прыщей - выбери нужное) Мода станет понятием абстрактным и столь же далеким от жизни, как марсоход "Кьюриосити". Курсы валют и биржевые котировки рассыпятся в прах и исчезнут. Превратятся в пыль резюме, аналитические справки и бухгалтерские балансы. Жизнь отныне будет простой и понятной. Но понравится ли она тебе?

© Дикий Носок, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 5	23
Глава 6.	27
Глава 7.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дикий Носок

Обычное дело

Книга 1

Глава 1

Тамару Семеновну со вчерашнего вечера терзали смутные сомнения. Они не давали ей уснуть ночью и погнали к окну, едва только старенький будильник прозвонил в шесть утра. Вставать в такую рань не было совершенно никакой необходимости. Но, когда тебе за семьдесят, то у тебя существует свой распорядок дня, а у сна – свой, и зачастую они не совпадают, заставляя тебя бездумно щелкать телевизионным пультом в три часа пополудни или безудержно зевать, сидя в очереди к терапевту в три часа пополудни. Тамара Семеновна боролась с этим безобразием как могла: с помощью будильника и силы воли. Последней ей было не занимать. Именно она подняла пенсионерку чуть свет, а вовсе не склочность характера, как многие могли бы подумать.

Нацепив на ходу очки, Тамара Семеновна бдительно осмотрела двор. Так и есть. Эта развязная девица в спортивном костюме из дома напротив выгуливала своего наглого лабрадора в их дворе. Думала, наверное, что в такую рань её никто не заметит. Как бы не так. Торопясь восстановить попорченную справедливость, Тамара Семеновна выскочила во двор в чем была: халате, надетом поверх ночной рубашки в маленький цветочек и домашних тапочках. Даже умываться не стала, торопясь застукать злодейку на месте преступления. Надела только зубные протезы, дабы её гневно-обличительная речь звучала четко и убедительно.

Старая, верная Мулька – единственная спутница жизни социально-ответственной старушки на протяжении последних двенадцати лет, перед носом которой она только что захлопнула дверь, осталась сидеть у порога в полном недоумении. Ведь утром положено гулять, а она уже не в том возрасте, чтобы неизвестно сколько терпеть. Муля поразмышляла немного, потом вздохнула совсем, как человек, и, примостив мохнатую попу на уныло-практичных, осенних туфлях хозяйки, напрудила изрядную лужу. С чувство выполненного долга старушка прошествовала на свое место – коврик у батареи на кухне и, покрутившись, улеглась в ожидании завтрака.

Обтекаемо-расплывчатая (как и любой другой словесный оборот, активно используемый чиновниками всех мастей) фраза о социальной ответственности прочно засела в голове Тамары Семеновны несколько лет назад. Она позволяла ей с полным основанием совать свой нос куда угодно и бороться с несправедливостью (реальной или мнимой): соседним магазинчиком, хозяева которого повадились выбрасывать свой мусор в мусорные контейнеры, принадлежащие их дому; владельцами машин, которые зимой заводили свои машины дистанционно, дабы те прогрелись к их появлению (придумали же такое, буржуи) и отравляли воздух во дворе выхлопными газами; бестолковыми мальчишками, которым лень очистить грязь с ботинок, и они тащат её в подъезд. Последнее было особенно актуально потому, как до недавнего времени Тамара Семеновна подрабатывала уборщицей в своем же собственном многоподъездном доме и вид грязной обуви мгновенно превращал её в фурию. И ведь зачастую получалось. Хотя бы потому, что многие предпочитали просто не связываться со скандальной бабкой.

Однако девица из соседнего дома была не из их числа. Первую часть обвинительного монолога Тамары Семеновны, который она начала едва ли не у подъезда, девица благополучно пропустила мимо ушей, заткнутых маленькими, черными наушниками. Бдительная пенсио-

нерка осознала свою ошибку лишь подойдя вплотную к лавочке, где расположилась возмутительница спокойствия, уткнувшись носом в телефон размером с небольшую разделочную доску. Первая неудача Тамару Семеновну ничуть не смутила, она поджала губы и встала напротив девицы так близко, что той ничего не оставалось, кроме как поднять глаза.

«Че?» – вынула наушник из одного уха нахалка.

«Не че, а что,» – немедленно парировала учительница начальных классов с многолетним стажем. – «Что Вы здесь делаете, милочка?»

«Сижу,» – недоуменно ответила девица. Вика недавно устроилась на работу и ранние подъемы для прогулок с собакой давались ей тяжело. На работе тоже не ладилось, она многого не понимала и очень уставала к концу дня. Раздражение копилось в ней понемногу – неизбежно и неотвратимо, словно пыль под диваном.

«Да, голубушка. Вы сидите, а Ваша собака срет на нашей детской площадке,» – старуха обличительно ткнула пальцем в сторону Борьки. Загипнотизированная Вика невольно повернула голову вслед за ним. Борька, к слову сказать, все свои дела уже сделал и с упоением обнюхивал кусты, обрамлявшие детскую площадку по периметру.

«Я Вам уже говорила. Гуляйте с Вашей собакой в другом месте,» – нависала над Викторией старуха. А ведь и правда, говорила. Теперь девушка её вспомнила. Не далее, как на прошлой неделе она ругалась с какой-то бабкой по этому же самому поводу. Надо же, и не узнала её. Почему все старухи на одно лицо, какие-то невзрачные и помятые?

«А не пошла бы ты на х..., старая калоша. Где хочу, там и буду гулять. Не твоё собаچه дело,» – с этими словами Вика поднялась с лавочки и окинула Тамару Семеновну презрительным взглядом с высоты своих 180 см. Розовый спортивный костюм, застиранный и потому немного севший, плотно обтягивал её телеса. Девица сделала шаг вперед, и пенсионерка вынуждена была отступить, словно сдавая свои позиции. Поспешно отойдя на несколько шагов и сочтя это расстояние вполне безопасным, Тамара Семеновна отбила хамские высказывания Виктории, словно теннисный мяч: «Да как ты смеешь со мной так разговаривать, хамка малолетняя? Кто тебя только воспитывал? Ещё раз увижу тебя здесь, сразу полицию вызову, церемониться не буду.»

Почти цензурные и совсем нет реплики влетали в открытые по случаю теплой погоды форточки всего дома, как снаряды, протяжно гудя и повизгивая, вызывая недовольство разбуженных раньше времени жильцов: «Опять эта Тамара Семеновна с кем-то лает, будь она неладна.» Поединок закончился вничью. Вика смотала поводок и потащила упирающегося Борьку домой, лениво огрызаясь через плечо чем-то совсем уж непечатным и имея твердое намерение назло старухе вечером выгулять пса именно в этом дворе. Тамара Семеновна с чувством выполненного долга гордо прошествовала домой и пребывала в приподнятом настроении ровно то того момента, пока не вляпалась в благоухающую Мулину лужу. Надо заметить, что подобные свары неизменно оживляли и подзаряжали пенсионерку, как оброненная короной, свежая навозная лепешка оживляет жизнь на лугу.

Приведя в порядок нервную систему и проглотив утреннюю горку таблеток (гипертония, желудок, головокружения) Тамара Семеновна поразмышляла и добавила к ней леденец от боли в горле. После утренней перепалки в горле саднило, будто его потеряли металлической губкой для мытья посуды.

Детей Тамара Семеновна не любила. Маленьких совсем, а выросших – еще больше. Что поделать, для многих учителей, проработавших в школе двадцать пять лет, ненависть к детям – профессиональная деформация. Сегодняшняя девица была из разряда выросших – наглая, вульгарная, невесть что о себе возомнившая крашенная лахудра с толстыми розовыми ногтями и нарисованными бровями. Чувствуя, как снова начинает подниматься давление, Тамара Семеновна постаралась выкинуть нахалку из головы и занялась домашними делами. И почему все-таки горло болит так сильно?

Иринины поджилки тряслись не меньше, чем рука стоматолога.

Ее нелюбовь ко всем врачам вообще перерастала в отвращение по отношению к гинекологам и откровенный страх по отношению к стоматологам. Хотя, чего, казалось бы, бояться? Укольчик обезболивающего избавлял от всех неприятных ощущений, за исключением самого себя.

Однако сегодня происходило нечто странное. Уже трижды молодой и чрезвычайно серьезный врач, добравший солидности дорогими очками в тонкой оправе, пытался начать лечение, но каждый раз приступ кашля заставлял его отступить. Вежливо извинившись, как и положено врачу дорогой частной стоматологической клиники, он промокнул испарину со лба носовым платком и вышел из кабинета, снимая на ходу маску. Следом за ним бесшумно ускользнула медицинская сестра.

Следующие пятнадцать минут, сидя в стоматологическом кресле, Ирина размышляла о сугубо бытовых вещах, как-то: что бы такое приготовить на ужин, что для этого нужно купить и как отделаться от этой скукотищи побыстрее, чтобы спокойно почитать новый роман Алексея Иванова. Ирина принадлежала к вымирающей породе людей, которые читали книги всегда и везде: в общественном транспорте, в очереди к врачу, на скучной лекции в институте или укачивая ребенка. Глаза всегда искали, чтобы почитать и, за неимением лучшего, прочитанными оказывались даже этикетки от шампуня или правила пользования лифтами.

Через некоторое время пришло осознание того, что ожидание слишком затянулось. Ирина внезапно поняла, что из обычно тихого коридора уважаемой клиники с мягкими диванчиками и затейливыми светильниками доносятся звуки какой-то суеты: стук дверей, многочисленные быстрые шаги и даже чьи-то всхлипывания.

«Так, кого-то залечили», – мелькнула нехорошая мысль и мгновенно исчез настрой вылечить зуб сегодня. Какая жалость, ведь три недели с духом собиралась, прежде чем записаться на прием. Неловко выбравшись из кресла, Ирина вышла в коридор и пошла к стойке регистратуры. По пути до ее слуха доносились обрывки фраз: «Как ... не может быть... такой молодой». «О, Господи, неужели у них пациент в кресле умер?» – подумала Ирина и тут же отмела эту мысль: «Не может быть, кому-то просто плохо стало». На лицах трех молодых женщин, оказавшихся за стойкой регистратуры, застыло выражение недоумения и растерянности.

«Извините, я была на приеме у доктора Романова ...» – начала было Ирина, но при упоминании фамилии доктора медики дружно охнули и прикрыли рты ладонками с наманикюрованными ноготками. В течении минуты все четверо молча обменивались взглядами. Потом профессиональная выучка взяла вверх, и одна из девушек вежливо сообщила, что доктор Романов плохо себя почувствовал и не сможет ее сегодня принять. А также предложила записаться к другому специалисту. Это предложение Ирина так же вежливо, но твердо отклонила, решив, что в эту клинику она больше ни ногой. Особенно жаль было «боевого» настроем на лечение, когда еще с духом соберешься. Как всякий нормальный русский человек, Ирина долго запрягала, а потом старалась переделать кучу дел за один день стахановскими темпами.

Высочив из здания клиники, Ирина только шагов через двадцать обнаружила на своих ногах бахилы. Чертыхнувшись, сдернула их и, выбросив из головы неудачный поход к стоматологу, отправилась на ближайший рынок. Обойдя надсадно кашлявшую бабку с такой же немолодой собачкой на поводке, она оказалась среди прилавков. Здесь царил непривычно запустение. Едва ли не половина павильонов и лавочек были закрыты, несмотря на субботнее утро, самое что ни на есть торговое время. Хамоватые обычно торговки вели себя непривычно тихо и напоминали сонных, осенних мух. Посетителей тоже было немного. И даже Ирина, обычно не очень наблюдательная и погруженная в свои мысли, если вокруг не было ничего интересного, заметила, как много людей вокруг выглядело больными. Направляясь домой, она уже внимательно посматривала по сторонам и с все возрастающим удивлением и даже беспокойством

замечала сколько людей вокруг покашливало с разной степенью интенсивности. Дело было в том, что ее младший сын Антошка, походив в школу лишь первую неделю после начала учебного года, уже четыре дня сидел дома, болея. Небольшая температура и кашель не внушали опасений и не мешали сыну жить, однако позволяли ему совершенно легально «закалывать» школьные занятия. Дополнительные каникулы вызывали у мальчишки неприкрытую радость, как и у любого двенадцатилетнего пацана на его месте.

Ирина не беспокоилась. До сегодняшнего дня.

Быстренько добежав до дома и с порога велел сыну померить температуру, Ирина выдохнула лишь тогда, когда увидела на градуснике «несерьезные» 37.0. Лекарства давать было еще рано, поэтому она сунула в рот любимому теленку леденец от кашля и, немного успокоившись, принялась разбирать пакеты с покупками. Следующие пару часов Ирина посвятила давно надоевшему занятию изготовления еды на семью из четырех человек. Время поиска новых интересных рецептов и кулинарных экспериментов уже давно кануло в прошлое, и ежедневная обязательная не доставляла удовольствия. Чаще всего она готовила что-нибудь, не требующее постоянного стояния у плиты: тушила или запекала в духовке, выкраивая тем самым полчаса на чтение новой книжки или «Аргументов и фактов». Слушая краем уха новости, разбавляя молоком готовую смесь для кекса и одновременно стараясь не наступить на крутящегося под ногами кота, Ирина уже почти и не думала обо всем, что произошло утром. К слову, информационного вакуума она не терпела. Ирине было любопытно все, что происходит в мире: удачный запуск космического корабля в России, нашествие медуз в Таиланде, извержение вулкана в Мексике, очередная беременность жены английского принца (почему-то не принцессы, а герцогини). К сожалению, в телевизионных новостях действительно интересных новостей было очень мало, на центральных каналах правил бал официоз, на кабельных – «желтые» сплетни о звездах и звездюльках разного калибра. Информационный голод приходилось утолять в интернете.

Из душевного равновесия ее вывел случайно брошенный в окно взгляд. На детской площадке рядом с лавочкой лицом вниз лежал человек. Ирина немедленно опознала злобную бабку со второго этажа по ее вечному коричневому плащу и древней, лохматой собачонке, крутившейся рядом с ближайшей мусорной урной. Бабка, в силу природной склонности характера, всегда по любому поводу и без него придиравшаяся к детям во дворе, лежала лицом вниз, откинув одну руку в сторону и уткнувшись лицом в траву. Подавшись всем телом к окну Ирина в замешательстве смотрела на бабку. «Почему к ней никто не подходит? Почему во дворе никого нет? Где все эти мамочки с детьми?» – с напрасной надеждой обшаривая глазами двор думала она. Никого. Придется идти.

Выключив духовку, строго велел сыну сидеть дома и схватив телефон Ирина побежала вниз по лестнице на ходу набирая номер экстренных служб. Она уже добежала до детской площадки, а трубку все не брали. Не зная, что делать дальше и невольно замедляя шаг, Ирина подошла к лежащей бабке и присела на корточки. «Вам плохо?» – спросила она, тронув ту за плечо. И тут же мысленно обругала себя: «Конечно плохо, ничего глупее я спросить не могла.» Собравшись с духом Ирина перевернула бабку лицом вверх и тут же отпрянула. Та определенно была мертва окончательно и бесповоротно. Ее лицо посинело, рот был открыт, язык свисал набок, как у собаки, шея распухла и была сильно поцарапана, безумные, остекленевшие, выпученные глаза смотрели в небо. До этого дня Ирине дважды приходилось видеть мертвецов, но те аккуратно лежали в гробах и после работы сотрудников похоронных агентств выглядели скорее, как восковые куклы. Мертвая соседка выглядела чудовищно и внушала ужас.

Отойдя еще на несколько шагов и тяжело опустившись на соседнюю лавочку, она вновь набрала экстренный номер. Через несколько минут ей ответил усталый голос, спокойно выслушал сбивчивые объяснения, задал несколько вопросов и сообщил, что вызов принят. Вопрос: «А, что мне теперь делать?» – даже не выслушал, отключившись. Сидя на лавочке в растерян-

ности Ирина размышляла, что же ей все-таки теперь делать. Нельзя же просто уйти, оставив тело лежать на детской площадке. Сидеть рядом, дожидаясь медиков или полиции, ужасно не хотелось. Проблема решилась неожиданно просто. Из соседнего подъезда вышла бабуля в кокетливой шляпке и, заметив неладное, направилась к детской площадке. «О, Господи, Тамара Семеновна. Да что случилось-то?» – запричитала бабуля, с жадным любопытством оглядывая тело знакомой. Коротко рассказав все, что знала, Ирина решительно повернулась и зашагала к подъезду, словно сдав вахту.

Печальное происшествие вновь вернуло ее к мыслям о внезапной смерти полгода назад школьной подружки и соседки по парте, которую она никак не могла осознать и примириться с ней. Как можно умереть в 43 года? Ведь жизнь в самом разгаре. Как это, если бы она сейчас умерла? А дети? На похороны Ирина не пошла. Просто не смогла. Увидеть ее в гробу было невысказано, как будто увидеть там саму себя. В течении нескольких недель Ирина постоянно думала об этом. Спустя полгода эмоции, конечно, поутихли, но сейчас снова вернулись.

От грустных мыслей ее оторвал зазвонивший в руке телефон. Старенькая, по современным меркам, «раскладушка» служила Ирине уже шесть лет. Она была равнодушна к всеобщему помешательству на новых моделях смартфонов, искренне не понимая, зачем каждый год менять телефон на почти такой же с огромным количеством ненужных, по большому счету, функций. Ведь ей от телефона требовались только три вещи: звонки, сообщения и будильник. Поэтому телефон Ирина меняла тогда, когда старый умирал естественной (или не очень) смертью.

Звонила дочь. Семнадцатилетняя Даша еще утром ушла гулять с друзьями в крупный торговый центр, намереваясь сходить в кино и посидеть в какой-нибудь кафешке. Ирина совершенно не понимала этого странного, но популярного у молодежи времяпрепровождения – бессмысленного шатания по крупным торговым центрам. Сходить в кино? Хорошо. Зайти в ресторан фастфуда? Не очень хорошо, но ладно. Сделать нужную покупку? Тоже вариант. Но что подростки там делают долгими часами, если ни одного из этих пунктов в планах нет? Почему бы не гулять в парке? Особенно, когда погода хорошая. Что им там, медом намазано, в этих торговых центрах?

Голос дочери был напряженным и даже немного испуганным. Волнуясь, она говорила: «Мам, тут что-то стремное происходит. Одному парню стало плохо в кинотеатре, он сознание потерял в зале и ему скорую вызвали. И Кате стало плохо, она говорит, что дышать нечем и голова кружится. И вокруг все какие-то больные, кашляют. Может это теракт и нас каким-то газом отравили? Мам, мы на улицу идем. Мам, ну что ты молчишь? Я позвонила Катиному папе, он сказал, что сейчас приедет».

Ирина молчала, но в ее голове лихорадочно крутились мысли. Фраза дочери о том, что все вокруг кашляют словно, стала спусковым крючком. Пазл в голове начал складываться, и получался он плохим, очень плохим. Стоматология, люди на рынке и на улице, бабка с собачкой и кашель, который она сегодня слышала повсюду.

«Дашка, ты кашляешь?» – внутренне холодея в ожидании ответа спросила Ирина.

«Да нет, вроде» – ответила дочь.

«Слава Богу» – выдохнула Ирина.

«Идите на улицу, все правильно, на парковку, в самый дальний конец, где нет ни машин, ни людей. И побыстрее. Там дождетесь Катиного папу. А теперь слушай внимательно. Я не хочу, чтобы ты ехала домой вместе с ними потому, что кашляет не только Катя, но и похоже все вокруг. Наверное, это какой-то очень заразный вирус. Ты пойдешь домой пешком, стараясь, по возможности, держаться подальше от людей, особенно кашляющих. Хорошо бы, конечно, надеть марлевую повязку, но я не хочу, чтобы ты заходила в аптеку, там может быть полно народу. Ты все поняла?» – закончила вопросом инструктаж Ирина.

«Поняла,» – в голосе дочери уже слышались панические нотки.

Сообразив, что, кажется, слишком напугала ее, Ирина продолжила с успокаивающей интонацией: «Дашка, все нормально. Просто сделай как я сказала и звони мне по дороге».

«Ладно» – с некоторой задержкой проговорила дочь, размышляя, видимо, не сошла ли мать с ума.

Беспокойство о том, что ребенок находится среди большого скопления людей, рядом с уже больной подружкой, и может легко подхватить заразу снедало Ирину. И, скорее всего, уже подхватила. Однако, не мешало бы, наконец, включить мозги и рассуждать хладнокровно. Итак, что происходит? Вокруг слишком много больных людей. Ощущение, что сидишь в очереди к терапевту в сезон гриппа, все кашляют. Это эпидемия. Но для гриппа еще рано, только сентябрь. А вчера она уже была? Черт ее знает. Ну почему я такая невнимательная! Нужно пару дней подержать детей дома и подавать им что-нибудь противовирусное. Хорошо, что продукты я уже купила, лекарства тоже есть. Скорее бы Дашка добралась! Так размышляла Ирина, но в голову лезли и другие мысли, которые она старательно гнала подальше. Что случилось в стоматологической клинике, кто-то умер? Что случилось с парнем в кинотеатре, о котором говорила дочь? Отчего умерла бабка на детской площадке? Только бы Дашка скорее пришла!

Дочь явилась через полтора часа и, сообщив, что видела по дороге три автомобильных аварии и парочку бомжей, спавших прямо на газоне, закрылась у себя в комнате, как обычно. Война с Дашкиным подростковым возрастом шла с переменным успехом, доводя временами до слез то одну, то другую сторону. Характер у Дашки был тяжелый, словно асфальтоукладчик, помноженный на подростковый максимализм. Дочь была нелюдима и довольно угрюма, заменяя живое, нормальное общение постоянным кнопкотыканьем (это удивительно точное словечко Ирина подслушала у незабвенного Михаила Задорнова) в телефоне, как и большинство молодых людей её возраста. С вечно закрытой дверью в комнату Дашки Ирине пришлось смириться. А вот стучаться, заходя туда по сто раз в день, Ирина категорически отказывалась, мотивируя это тем, что она у себя дома. Ирина добросовестно пыталась сохранять спокойствие в ответ на подростковый эгоизм и хамство, все время вспоминая крылатую фразу Карлсона из мультфильма: «спокойствие, только спокойствие», но получалось плохо.

Беспокойство слегка отпустило ее и, накормив детей ужином и таблетками, Ирина позволила мужу, пребывавшему в командировке в г. Санкт-Петербурге, чтобы обсудить ситуацию. Однако на телефонные звонки муж не ответил, ни в тот вечер, ни больше никогда.

Глава 2

Учитывая дочитанный только за полночь роман Ирина проспала почти до полудня. Впрочем, ранних пташек в семье не было, и дети тоже только проснулись.

Всеобщий любимец кот Василий (в просто «Ваську» его чувство собственного достоинства никак не помещалось), которого частенько после хулиганских выходов именовали наглой рыжей мордой, немедленно заявил о себе громким мяуканьем и повел Ирину на кухню. Голодным кот бывал исключительно ласков: урчал, терся об ноги и позволял себя тискать и гладить в пределах разумных, по его мнению, 30 секунд. В любое другое время он был махровым эгоистом, как и положено всякому порядочному коту. Этот беспородный котяра, взятый практически с улицы, проявлял чудеса сообразительности и предприимчивости, научившись открывать все двери и дверцы в доме, кроме холодильника. Его способность спать в самых невообразимых местах и позах изрядно веселила всех членов семьи. Люди никогда не научатся лениться с таким вкусом, как кошки: вальяжно и безмятежно развалив свою царственную тушку в самом неподходящем месте, вроде компьютерной клавиатуры. И Боже упаси наступить на него или пнуть. Месть будет плескаться в твоей кроссовке уже к вечеру, распространяя дивный аромат баночки с анализом мочи.

Своими выходками кот культивировал в Ирине чувство собственной неполноценности потому, что был умнее ее и всегда успешно Ириной манипулировал, получая все желаемое (как правило, внеплановую еду). После чего поглядывал на хозяйку с самодовольным видом и чувством собственного превосходства. Складывалось ощущение, будто он взял ее в рабство и помыкает по собственному усмотрению, требуя, например, завтрак в пять утра путем методичного сбрасывания тюбиков и баночек с туалетного столика на пол. После первого сброшенного флакона Ирина просыпалась, после второго – проклинала кота, после третьего – шла его кормить.

Выходной день неспешно потек по давно известному каждой женщине графику: стирка, глажка, уборка, проверка дочкиного сочинения на предмет ошибок и вполне успешная попытка заставить сына сделать хоть какие-нибудь уроки. Температура у Антошки была уже в норме, он лишь изредка откашливался.

К четырем часам Ирина решила сделать перерыв, выпить кофе и подоить коров на своей виртуальной ферме, которой, к своему стыду, увлеклась пару лет назад. Всегда считавшая компьютерные игрушки злом в чистом виде и ограничивавшая время игр детей часом в день, сама она первое время просто не могла оторваться от забавных коров и свинок с энтузиазмом развивая и украшая свою веселую ферму. Но заниматься этим старалась, когда дети были в школе или уже спали, дабы не подавать плохого примера.

Сварив кофе и запустив игрушку загружаться на планшете Ирина подошла к окну. На детской площадке рядом с лавочкой лицом вниз лежал человек. Все та же бабка в коричневом плаще со второго этажа. Вот только собачки рядом не было.

Мгновенно на Ирину навалились тоска и ужас от осознания того, что происходит что-то непоправимо страшное. Во дворе было непривычно пусто: ни мамочек с детьми, ни бабулек на лавочках, ни горластых юных футболистов. Выйдя на балкон, она поразилась тишине, царившей вокруг. Даже шума машин с дороги не слышно. На Ирину напало какое-то оцепенение, она в прострации стояла на балконе не в силах пошевелиться, а ее взгляд бессмысленно упирался в чьи-то ноги в синих джинсах и белых кроссовках, лежащие на ступеньках соседнего подъезда. Все остальное скрывал козырек подъезда. Пахло дымом. Где-то вдалеке орала автомобильная сигнализация.

С трудом передвигая ставшие вдруг тяжелыми ноги она зашла домой, аккуратно закрыла балконную дверь и задвинула штору. Дети сидели, уткнувшись в свои ноутбуки и никак не

отреагировали на сообщение о том, что она дойдет до магазина и обратно. Уже в лифте Ирина сообразила какого дурака сваяла, ведь если лифт сейчас застрянет (а с ним это частенько случалось), то сидеть ей тут до морковкина заговенья. Благополучно спустившись вниз она услышала, как на первом этаже за дверью одной из квартир воет собака. От этого воя сердце тоскливо сжалось.

Обладателем ног в синих джинсах и белых кроссовках оказался парень, живший в соседнем подъезде. Ирина хорошо знала его в лицо. Тот факт, что он мертв не вызывал сомнений, стоило лишь взглянуть на его посиневшее лицо. Тихо постояв рядом пару минут, она пошла дальше. В соседнем дворе одиноко бегал веселый лабрадор, радуясь внезапной, ничем не ограниченной свободе и таская за собой длинный поводок. Его хозяйка лежала у подъезда, закинув длинные ноги в розовых спортивных штанах на лавочку. Подходить Ирина не стала, пошла дальше.

Повернув за угол дома, она оказалась на широкой улице. Поперек четырехполосной дороги лежало маршрутное такси, в открытой задней двери виднелись тела нескольких человек. Миниатюрная «женская» красная машинка уткнулась носом в киоск Роспечати. На автобусной остановке прикорнула торговка семечками, уткнувшись носом в мешок со своим товаром. Через огромные окна ярко освещенного салона связи было видно молодого человека в форменной рубашке, неловко привалившегося спиной к стене у кассы. В том, что эти люди были мертвы, Ирина почему-то не сомневалась.

Нереальность всего происходящего пугала до одурения. С трудом переставляя ноги она направилась по тротуару вдоль дома. Почти все магазинчики, располагавшиеся на первом этаже, были закрыты. Только в аптеке горел свет. Туда Ирина и зашла. «Есть кто-нибудь?» – звук собственного голоса показался незнакомым. Никто, конечно, не отозвался.

Большой супермаркет, пристроенный к торцу дома, был открыт. И первым, на кого наткнулась глазами Ирина, был мертвый охранник в форменной одежде. Судя по гнетущей тишине людей в магазине не было, по крайней мере живых. У служебного входа обнаружился грузовик хлебозавода, водитель которого лежал лицом на руле.

Состояние паники у Ирины сменилось какой-то заторможенностью и отстраненностью. Она будто смотрела на все происходящее со стороны. Зато снова появилась способность сообщать. «Дойду до рынка и пойду обратно другой дорогой,» – решила она. Поход закончился вполне ожидаемо: несколько разбитых машин, столб дыма в соседнем квартале и тела. Их было совсем немного, видимо, почувствовав себя плохо, большинство людей остались дома. Два колоритных бородатых кавказца у прилавка с арбузами, девушка в палатке с шаурмой и тетка в хлебном ларьке – вот и все. «Надо пойти домой и позвонить всем знакомым,» – устало думала Ирина. – «И детям как-то рассказать».

Тщательно выбирая выражения и не сгущая красок, она рассказала детям обо всем, что видела. Недоверие в их глазах сменилось испугом только когда они увидели с балкона два мертвых тела во дворе. В течении следующего часа все трое пытались дозвониться друзьям, знакомым, в экстренные службы, да хоть куда-нибудь. Бесполезно. Дети напряженно смотрели на нее, ожидая, видимо, что мать немедленно разрулит ситуацию и они вернуться к привычной жизни. Но Ирине нечего было им предложить, оставалось только обнять.

Но делать что-то было нужно. Если живых людей нет на улице и ни один телефонный номер не отвечает, то где их искать? Правильно, сидят дома, как мы. Надо пройти по дому и позвонить во все двери. Принятое решение принесло хоть какую-то определенность. Дети остались обходить квартиры в своем подъезде, а Ирина отправилась в соседний. «Как мы могли проспать и не заметить этого кошмара? Уму непостижимо,» – размышляла она, нажимая на кнопки звонков. Собачий лай, раздавшийся за одной из дверей, направил мысли в другое русло: «О, Господи, сколько кошек и собак остались за закрытыми дверями квартир! Они умрут от голода. После того как сожрут своих хозяев». Уже цинично подумалось вслед.

Похоже, Ирина начала выходить из ступора. По крайней мере в голове стали появляться разумные мысли. До позднего вечера они ходили по окрестным дворам и громко кричали, надеясь услышать ответ. Дети жались к ней, как испуганные телята и не могли оторвать глаз от попадающихся иногда мертвых тел. Вернувшись домой уже затемно, сварили пельменей, поели и легли спать.

Все знания Ирины об апокалипсисе были почерпнуты из голливудских фильмов, сериалов и книг. В них люди, пережившие конец света (неважно, по какой причине) все как один напяливали на спины тяжеленные рюкзаки, обвешивались оружием и с наспех придуманными целями шлялись по дорогам, попутно отстреливаясь от зомби, вампиров или потерявших голову от вседозволенности людей, и поочередно погибая от трудностей постапокалиптического бытия.

Согласно тем же авторитетным источникам, выжившим следовало запастись едой, водой, крепкими ботинками и батарейками. По законам жанра рано или поздно обнаруживался суперсекретный военный бункер под завязку набитый оружием и продовольствием, где герои обустроивались и принимались с подростковым энтузиазмом возрождать человеческую цивилизацию старым, хорошо зарекомендовавшим себя способом.

Чем ей все это могло помочь сейчас? Создать запас продуктов и воды – идея более, чем здравая. А батарейки? Сейчас в их доме батарейки использовались только в компьютерных мышках и многочисленных пультах от телевизоров. Здравый смысл подсказывало Ирине, что надобность в этих предметах скоро отпадет окончательно и бесповоротно. Ах, да, фонарик. Он понадобится, когда отключится свет. А это произойдет наверняка. Значит, батарейки тоже нужны и фонарики, кстати, тоже. «Надеюсь, хоть с зомби сражаться не придется. У меня на это просто нет сил,» – устало подумала Ирина.

Дети, просочившиеся по одному в ее спальню, уже посапывали, а Ирина, лежа без сна, вполне рационально планировала дальнейшее. Из города надо уходить. Если все мертвы, то здесь будет разлагаться почти полмиллиона трупов. Хотя все не могут быть мертвы, ведь они живы. Непонятно только почему. Ну хотя бы куда уходить из города было понятно. Несколько лет назад муж построил дом в деревне всего в нескольких километрах от городской черты. В свое время строительство было камнем преткновения в отношениях с мужем и причиной постоянных ссор. На стройку уходила прорва денег и, главное, времени, которое он мог бы провести дома с ней и детьми. С момента рытья котлована Ирина убеждала его, набив мозоль на языке, что жить в деревне не будет ни при каких условиях, даже летом. Однако муж с упорством носорога претворял свою идею в жизнь, получая огромное удовольствие от самого процесса строительства. Это Ирину и злило, и раздражало. Она точно не получала такого удовольствия проводя все выходные дома с маленькими детьми, пока он играл в любимую игрушку. Сейчас дом стоял пустым, используя лишь десяток раз в год для ночевки, когда возникало желание пожарить шашлыки. Это было дешевле и удобнее, чем ехать на такси в город. И вот теперь дом им пригодится. Должен был случиться конец света, чтобы Ирина решила перебраться в деревню. Сон так и не пришел, зато к рассвету план действий был готов.

Деревня с милым названием Кудрявцево находилась в ближайшем городском пригороде. Дорога туда на машине занимала всего полчаса, сколько это в километрах Ирина не знала. Она никогда не умела навскидку верно определить расстояние, но была уверена, что они доберутся за несколько часов. Идти, увы, придется пешком, поскольку водить машину Ирина так и не научилась. А учитывая многочисленные виденные ей автомобильные аварии вряд ли они смогли бы далеко уехать.

Но сначала следовало позаботиться о нескольких вещах.

Во-первых, раздобыть баллончики с краской. Ирина собиралась оставлять во всех доступных местах надписи о том, куда они идут. Эту идею она почерпнула из книги нежно любимого Стивена Кинга, прочитанной давным-давно, и вовремя вспомнила о ней.

Во-вторых, следовало найти второй велосипед. Сама Ирина ездить на велосипеде не умела, о чем сейчас ужасно жалела. Но дети могли бы объезжать на велосипедах все окрестности по дороге, оставляя надписи и громко крича в каждом дворе.

И, в-третьих, нужна была магазинная тележка, в которую Ирина намеревалась сложить необходимые вещи. В американских фильмах в таких тележках часто перевозили свое барахлишко бомжи. Эта проблема решалась проще всего, в ближайшем супермаркете их было полным-полно.

За велосипедом они пошли в магазин спортивных товаров. Тот оказался закрыт, и взломать железную дверь не было никакой возможности. Ничего не оставалось, кроме как разбить окно, используя обломки кирпичей, найденные поблизости. От звука разбившегося стекла сердце рухнуло в пропасть. По законам жанра сейчас должен был раздаваться звук полицейской сирены и принести с собой кучу неприятностей. Но этого больше никогда не случится. Наступала эра полной вседозволенности и безнаказанности: можно было бить стекла, грабить магазины, угонять машины. До настоящего момента Ирина была вполне законопослушна. Даже в подростковом возрасте она не баловалась кражами всякой мелочевки из магазинов. Чувствовать себя мародером было очень странно, непривычно, но почему-то весело. Однако, новый мир – новые порядки.

Баллончики с краской нашлись в магазине строительных материалов. К счастью, он оказался открыт, и стеклянные двери предупредительно разъехались при их приближении. Ирина уже спокойно смотрела на тела нескольких сотрудников магазина. Циничность – дело наживное. Приобретается она быстро и не исчезает уже никогда. Но притихшим и испуганным детям это зрелище внушало ужас.

К тому моменту, когда сборы были закончены, было уже три часа пополудни и путешествие пришлось отложить на завтра. Ирина осознавала, что в эту квартиру они вряд ли когда-нибудь вернутся, поэтому хотела забрать с собой все семейные фотографии. Однако, больше десятка толстых альбомов унести было нереально. Пришлось вынуть их из альбомов и сложить в обувную коробку. Туда же, на всякий случай, отправились и документы. Тщательно отобрав одежду, обувь и необходимые мелочи она в задумчивости остановилась перед сейфом с оружием. Брать или не брать? Пользоваться им Ирина не умела, но стрельба представлялась ей делом несложным. В сейфе лежали два ружья и две коробки с патронами. Много лет назад муж несколько раз сходил на охоту, но это занятие, видимо, не принесло ожидаемого удовольствия. С тех пор ружья пылились в сейфе. Решила взять. А вот запасом продуктов можно было не нагружаться, ведь всегда можно ограбить магазин поближе к деревенскому дому.

Похоже, мародерство становилось стилем жизни.

И все равно вещей получалось слишком много. Совместными усилиями с детьми придумали прикрепить с помощью скотча к багажникам велосипедов корзинки из супермаркета. В одной из них предстояло ехать переноске с котом, в другой – детским рюкзакам. Безумно жаль было оставлять книги. Содержимое двух огромных книжных шкафов, любовно собранное за всю восемнадцатилетнюю семейную жизнь, ее радость и гордость, доставлявшее Ирине море удовольствия, увы, придется оставить.

В эту ночь все спали, как убитые. На одной кровати. Обнявшись.

Наутро, плотно позавтракав и, по привычке, закрыв дверь на все замки, пустились в путь. Решено было идти через город, а не по окружной дороге, чтобы осмотреть как модно больше дворов и оставить надписей на стенах.

Ирина с тележкой шла прямо по дороге, лавируя между машинами. Дети на велосипедах объезжали жилые кварталы поблизости. Каждый раз, ожидая их в условленном месте Ирина с надеждой издали вглядывалась в их лица. Напрасно. Живых людей они не находили. А вот кое-кого другого – да. Грязно-бурый пес самого что ни на есть бродячего вида рассматривал их, сидя на тротуаре у пешеходного перехода, дойдя до которого Ирина и дети невольно

притормозили. Но оказалось, что ждала дисциплинированная псина вовсе не их, а зеленого сигнала светофора. Стоило лишь зеленому человечку начать свой путь, сопровождаемый звуковым сигналом, как пес поднялся и потрусил через дорогу по своим делам. Люди проводили умника замороженными взглядами.

Переходя по путепроводу железнодорожные пути, они ненадолго задержались, рассматривая лежащие внизу вагоны сошедшего с рельсов поезда. Состав был грузовым. С запозданием Ирина сообразила, что он мог перевозить какие-нибудь отравляющие вещества типа хлора и поторопила детей идти дальше.

Перекусить остановились у крупного сетевого супермаркета. Пока дети писали на его стене привычный текст, Ирина пошла внутрь за продуктами. Но пахло в магазине уже не только едой. Этот приторный и сладковатый запах ей раньше чувствовать не доводилось, но то, что так пахнут разлагающиеся тела было очевидно. Она порадовалась, что дети остались снаружи.

Глядя на полки с продуктами Ирина с иронией думала, что вся еда в городе теперь в их распоряжении и можно порадовать детей любой вкусняшкой. Ведь любителем вкусно поесть в их семье был каждый первый, включая кота. Взяв корзинку, она отправилась в поход по мертвому магазину. Три баночки красной икры, пачка масла, белый хлеб, пара упаковок вкуснейшей слабосоленой рыбки, горсть самых дорогих конфет, гроздь винограда, две бутылки воды и симпатичная баночка паштета для Василия. И скорее прочь отсюда, на свежий воздух.

Устроившись в скверике рядом с супермаркетом все трое блаженно вытянулись на траве. Повалявшись, вымыли руки водой из бутылки, ей же помыли виноград. Затем предусмотрительно взятым ножом наделали бутербродов и устроили праздник живота. Следующий перекус устроили уже на выходе из города, ограбив фирменный магазин молочного комбината. Какое счастье, что электричество все еще было!

Запасаться продуктами решили в огромном гипермаркете на перекрестке с окружной дорогой. Заодно прихватили свечи, фонарики и батарейки к ним. В помещении, пусть и таком большом, запах разложения отчетливо чувствовался, поэтому в магазин Ирина детей не взяла.

Разбив тележкой стеклянную дверь аптеки она от души помародерствовала, набрав лекарств на все случаи жизни. Подумав, прихватила аппарат для измерения давления и полугодовой запас таблеток для его нормализации. У нее была не очень хорошая наследственность по гипертонии, поэтому за давлением Ирина периодически следила. И когда около года назад его значения стали регулярно превышать 140\90, начала ежедневно принимать те же таблетки, что уже несколько лет принимал муж. К врачу, конечно, не пошла. Терпеть их не могла, да и давление нормализовалось. Самолечение было вполне обычным делом. Ирина без тени сомнения лечила себя и всю семью от отита, бронхита, гастрита, ангины и простуды. В более сложных случаях приходилось все-таки идти к врачам. Она не видела в этом ничего предосудительного, все ее знакомые поступали так же. Благо, большинство таблеток можно было купить без рецепта.

Большая часть пути была уже пройдена и усталость начала брать свое. Дети тоже притомились. Дальше передвигались мелкими перебежками. Дети проезжали метров 500 и отдыхали, ожидая пока их догонит Ирина. Доехать до дома одни они категорически отказались.

С утра день был по-летнему теплый, но к вечеру погода начала портиться. Поднявшийся ветер нагнал кучу облаков, на подходе наверняка была и дождевая туча посерьезней. Ирина торопилась. Тяжело нагруженная тележка так и норовила вильнуть в сторону. Когда начал накрапывать дождик оставалось только перейти мостик через густо заросшую по берегам ивой маленькую речушку. С середины мостика открывался красивый вид на два десятка домов, обвешанных спутниковыми тарелками. Но не сегодня. Взойдя на мостик Ирина ошеломленно застыла, не в силах сразу осознать увиденное.

Дома не было.

Глава 3

Обломки еще дымились. Сгоревший остов виновника катастрофы – упавшего вертолета торчал из груды кирпичей, блоков и черепицы. Его лопасти при падении срезали часть крыши соседнего дома и порубили в щепки ажурную деревянную беседку во дворе.

Пока Ирина осматривала место катастрофы, дождь припустил в полную силу. Нужно было срочно искать укрытие. Оставив детей под крышей на крыльце соседнего дома, она накинула куртку и пошла обходить соседские дома. Только два оказались открыты. Но в первом уже стоял невыносимый смрад разлагающихся тел. Видимо, все хозяева были дома. Во втором ее встретил только заливистый собачий лай, запаха не было. Выбирать не приходилось.

Маленькая рыжая лохматая собачонка, похожая на лисичку, название породы которой Ирина знала, но забыла, недружелюбно лаяла, спрятавшись под столом. Общими усилиями удалось выгнать ее на улицу. Теперь можно было осмотреться. Дом был большим: три спальни наверху (двумя явно не пользовались), большая гостиная с камином, кухня, кладовка и еще одна совершенно пустая комната внизу. На просторной кухне помимо газовой плиты стояла печь, покрытая красивой голубой плиткой. Вид у печки был рабочий и она могла здорово выручить их если (когда) отключится электричество.

Дом был обжитым, уютным, любовно обустроенным. Светлая мебель, занавески мягких пастельных тонов, удобные диванчики с цветочной обивкой и множество комнатных растений. Среди них особенно выделялись два лимона в больших деревянных кадках. На специальной полочке на кухне притаилась коллекция черепашек всех форм и размеров. На второй этаж вела деревянная лестница с изящно выточенными балясинами. Книжный шкаф в гостиной согрел Ирине душу. Целую полку занимала специализированная литература – что-то о строительстве. Еще три – художественная, в основном классика, несколько старых альбомов с репродукциями картин и книг по разведению комнатных растений. Кот, обнюхивая новые владения, недовольно фыркал и бил хвостом. Всем было не по себе в чужом доме, но чувство неловкости проходило по мере того, как они согрелись, обсохли и поужинали макаронами с сыром. После чего дети моментально отрубались на диване в гостиной, а Ирина открыла бутылку вина, которую нашла в шкафчике на кухне, и собралась напиться. Жизненный опыт показывал, что одной бутылки ей для этого вполне достаточно. Блаженная эйфория пришла уже после второго бокала. Да здравствует долгожданная пустота в голове! Никаких мыслей, никаких тревог. А теперь спать.

Весь следующий день семья посвятила обследованию своего нового хозяйства. В кухонных шкафчиках и кладовке обнаружился некоторый запас «долгоиграющих» продуктов, в подвале – целая батарея банок и баночек с домашними заготовками. Каждая банка была снабжена аккуратно приклеенной скотчем бумажкой с годом ее производства. Там же стояли несколько ящиков с морковью, пересыпанной песком, десять мешков картошки нового урожая, три больших корзины с луком и одна с чесноком. В пузатых бутылках была, судя по запаху, самогонка. Ирине оставалось только мысленно поблагодарить рачительных хозяев дома.

Вскоре ей представилась возможность сделать это лично потому, как хозяина дома они обнаружили в машине за рулем. Машина стояла в гараже, двери которого были распахнуты. Тело выглядело ужасно, а пахло еще хуже. Ирина вышла из гаража и притворила двери. Мимо этого тела нельзя пройти как мимо прочих. Его нельзя здесь оставлять. При мысли о том, что придется к нему прикоснуться Ирина внутренне содрогалась от отвращения. Но убрать его было нужно. Оставалось решить, как. Пока она обследовала участок, в голове зрел план действий.

Участок, к слову, оказался образцово-показательным. Весь урожай был уже собран и земля перепахана. Только в большой стеклянной теплице слева еще дозревал сладкий перец.

Справа вдоль забора росли кусты смородины и малина. Выложенная плиткой площадка с мангалом и плетеной мебелью примыкала к дому. В конце огорода располагались плантация клубники и фруктовый сад. Несколько яблонь, усыпанных плодами, издали напоминали распластавшихся крабов из-за подпорок под отяжелевшими ветвями. Там же в саду стоял шедевр садовой архитектуры – деревянный туалет в форме сказочной избушки. А в заборе за фруктовым садом обнаружилась калитка. Небольшой хозяйственный сарайчик притулился в углу участка, там то Ирина и нашла то, что поможет им избавиться от трупа.

Могилу за забором участка копали втроем, неловко орудуя с непривычки лопатами. До появления мозолей на руках дело шло довольно споро. Совершенно выбившись из сил через несколько часов работы, оставили яму такой, какой получилась. Следующий этап работы Ирина проделала одна. Завязав рот и нос шарфом, сбрызнутом духами хозяйки дома, она отправилась в гараж. Расстелив рядом с водительской дверью рулон плотного полиэтилена, найденного в сарае, она открыла ее. Невыносимый запах шибанул в нос, не в силах терпеть Ирина выбежала из гаража едва сдерживая рвотные позывы. Продышавшись, снова закрыла лицо надушенным шарфом и пошла назад. Орудя лопатой, она свалила тело на полиэтилен. Оно плюхнулось с омерзительным звуком. Придав телу нужное положение все той же лопатой, она завернула его в пленку как мясной рулет. Закрутила полиэтилен в районе головы и ног и плотно замотала скотчем. Вонять стало меньше. Плотнo упаковав таким образом мужика, Ирина обвязала его ноги веревкой и потащила волоком через участок к приготовленной могиле. От идеи довести труп в магазинной тележке она отказалась, пришлось бы прикасаться к нему, чтобы погрузить. Вскоре к ней присоединился сын. Он молча взялся за веревку, стараясь не смотреть на труп, и поволок, как бурлак на Волге. Закапывать яму оказалось гораздо проще и быстрее.

Долгое время тошнотворный запах преследовал Ирину, невзирая на горячий душ и чистую одежду. День выдался тяжелым морально и физически, поэтому она прибегла к испытанному средству расслабиться – бутылке вина. «С этим концом света я сопьюсь,» – блаженно хмелея думала Ирина.

В течении всего дня на участке крутилась рыжая хозяйская собачонка. Совместными усилиями вспомнили, что порода называется шпиц. Утром она еще пыталась их облаивать, но к вечеру, подкупленная вкусняшками, которые давали ей дети, сменила гнев на милость. В дом ее не пустили, опасаясь кошачье-собачьего побоища, но на терраске ночевать оставили.

Весь следующий день посвятили сбору яблок. Неповрежденные складывали в ящики в подвале, все остальные резали и раскладывали для превращения в сухофрукты. Через забор перелезли в соседский сад и обобрали яблони и там. Пользуясь хорошей погодой, они продолжали опустошать соседские сады еще пару дней.

Предполагая, что они могут провести в этом доме всю зиму, Ирина начала составлять список вещей и продуктов, которые им могут понадобиться, планируя набег на гипермаркет. Переждав несколько дождливых дней отправились в путь налегке с пустыми рюкзаками за спиной. Консервы, крупы, макароны, соль, сахар, мука, специи, растительное масло, чай, кофе, шоколад и многое другое. Продуктовые тележки наполнялись очень быстро отчасти еще и потому, что медицинские маски, позаимствованные в аптеке, от ужасного запаха помогали мало. Рюкзаки набили вещами объемными, но легкими: теплыми куртками и резиновыми сапогами. Пустые тележки бросили у дома и на следующий день снова пустились в путь налегке. В гипермаркет они ходили как на работу каждый погожий день в течении месяца, превратив пустую комнату на первом этаже дома в склад. Чем больше она заполнялась, тем спокойнее становилось на душе у Ирины. А во дворе выстроились в ряд тележки из супермаркета.

Они оченьгодились, когда Ирине пришло в голову запасть на всякий случай дровами для печки. В первую очередь перевезли дрова, заготовленные некоторыми из соседей для

своих бань. Потом собрали обломки деревянной беседки во дворе своего разрушенного дома и срубили фруктовые деревья, поврежденные пожаром. Дрова складировали в гараже.

Мародерствуя на соседских участках, они наткнулись на курятник. Под проволочной дверцей обнаружился подкоп. Дюжина кур во главе с петухом свободно гуляли по участку, питаясь подножным кормом, поэтому и были до сих пор живы. Таким подарком судьбы пренебрегать не следовало. О разведении кур Ирина не знала ровным счетом ничего, кроме того факта, что кормить их надо зерном. Однако твердо вознамерилась сохранить кур. Взломав дверь в сарай, они нашли мешок какого-то зерна. Экспериментальным путем установили, что куры его охотно едят. Засыпав подкоп камнями и плотно утрамбовав их, стали заманивать кур в курятник зерном, потратив на это кучу времени. В отличие от глупых кур, петух оказался осторожен. Эту недоверчивую скотину ловили втроем несколько часов, на провокации он не поддавался, зерном не подкупался. Носясь по двору как сумасшедший по только ему одному ведомой траектории, он ни в какую не хотел расставаться со свободой. Каким-то чудом удалось наконец накинуть на петуха простыню и, спеленав как младенца, посадить в курятник.

Вечером, когда, блаженно вытянув ноги после погони за диким петухом, Ирина размышляла где взять зерно, зазвонил телефон.

Сердце подпрыгнуло и остановилось. Послышался топот и в дверях кухни, столкнувшись лбами, замерли дети. Все трое ошеломленно смотрели друг на друга. Непослушными руками Ирина выудила свою «раскладушку» из ящика стола и раскрыла, приложив к уху. Механический голос сообщил, что у нее образовалась задолженность за кабельное телевидение в такой-то сумме, которую надо погасить до такого-то числа. Опустив руку с телефоном Ирина в изнеможении опустилась на диван. Сердце отчаянно колотилось. Вспыхнувшая было надежда погасла, оставив ее в полном раздрае.

С новой силой навалились тягостные мысли об эпидемии, одиночестве и туманном будущем ее и детей. За ежедневными насущными проблемами они отступали, прятались в их тени. Иногда Ирина испытывала даже некоторое удовлетворение от жизни. Например, когда видела наполненную продуктами кладовку. Один телефонный звонок разрушил зыбкое спокойствие. Страх вернулся.

В глазах у детей надежда сменилась разочарованием. В едином порыве они обнялись. Прежде в их семье такие «телячьи нежности» были не в ходу. Но конец света многое меняет. Дашин подростковый возраст внезапно кончился. За полтора месяца новой жизни не было ни хамства, ни эгоизма, ни высокомерия. Куда что подевалось? Похоже она больше не считала себя самой умной и признала в матери «вожака стаи». Внезапно возросший родительский авторитет грел душу и поднимал самооценку.

Антошкино детство тоже закончилось раньше времени. Обычно слегка безалаберный и невнимательный сын вдруг стал серьезным, не по годам рассудительным и молчаливым. Прежде такие фразы, как «вымой руки» или «собери носки с пола и положи в корзину с грязным бельем» в одно ухо влетали, а в другое вылетали, не задерживаясь в голове у Антошки ни на минуту. Транзитом. Его «бытовая бестолковость», как называла это Ирина, когда сын не в состоянии был найти ножницы в ящике стола или брюки в шкафу, доводившая Ирину порой до белого каления, исчезла бесследно. Раньше Ирина считала это качеством врожденным и передающимся по мужской линии. На ежеутренние, набившие оскомину, вопросы мужа «а где моя рубашка (носки, ремень, ключи и т. д.) порой хотелось ответить матом. На детских плечах теперь лежала непосильная тяжесть, и Ирина ничего не могла с этим поделать.

Вот кто совсем не изменился, так это кот. Ему было около двух лет и главной чертой его характера было неумное и неиссякаемое любопытство. В свое время выяснилось, что кота не пугают даже новогодние фейерверки. В то время как все нормальные животные прятались от шума взрывов, Василий стремглав бежал к окну и в возбуждении провожал глазами огоньки. Путешествие на новое место жительства он перенес легко, в новом доме освоился быстро,

избрав себе местом для сна мягкое кресло в гостиной, а наблюдательным пунктом – верхнюю полку стеллажей на кухне. Некоторое время назад состоялось знаменательное кошачье-собачье знакомство. Собаку Василий видел впервые. Природная осторожность заставила его запрыгнуть на стол, откуда он и взирал с нескрываемым любопытством на заходившегося внизу лаем шпица. Почти семикилограммовый пушистый кот выглядел намного крупнее собаки. Учитывая разницу в весовых категориях шпиц отбежал на безопасное расстояние, стоило лишь Василию сделать шаг в его сторону. Понаблюдав за парочкой некоторое время, Ирина пришла к выводу, что безопасности кота точно ничего не угрожает, драки не будет. Собаку оставили в доме и назвали Лисой Алисой.

Следовало заняться неотложной проблемой – найти зерно для кур. Вокруг деревни и вдоль дороги располагались поля сельскохозяйственного предприятия. Неоднократно проезжая мимо летом Ирина помнила, что на некоторых колосилась какая-то зерновая культура. Поскольку поля были уже убраны, значит это зерно где-то складировано. Оставалось только найти. Поразмыслив, она решила идти в большую деревню километрах в двух от дома и поискать склад зерна среди других хозяйственных построек бывшего колхоза. Они оказались разбросаны по деревне довольно далеко друг от друга: здание правления колхоза, судя по барельефам построенное давным-давно при коммунизме, склад сельскохозяйственной техники под открытым небом и ремонтная мастерская рядом, пилорама, склад пиломатериалов и еще парочка сооружений непонятного назначения. К фермам в отдалении от деревни даже не стали подходить, оттуда тянуло невыносимым смрадом. Наиболее перспективными выглядели несколько больших ангаров, огороженных общим забором с будкой охранника на въезде. Окон в ангарах не было, а железные двери и ворота были закрыты. Как их взломать Ирина не представляла, ключей в будке охраны не оказалось. Пришлось уйти не солоно хлебавши.

Однако нет худа без добра. Пытаясь сократить путь до дома, они наткнулись на поле с кукурузой. В их климате кукурузу на еду не выращивали, только на корм скоту. Почему бы не попробовать кормить кур кукурузой? Эксперимент провели немедленно. Куры, как механические веники, сметали все: кукурузу, морковь, капустные листья и даже крапиву, для прикола брошенную Антошкой.

Значит, следовало натаскать как можно больше кукурузы. К делу подошли обстоятельно. Сначала освободили от всякого старого хлама большую часть подвала, потом нашли на соседних участках две тачки в дополнение к уже имеющейся. На тележках из супермаркета можно было бы привезти больше, но по раскисшей от дождей проселочной дороге они просто не проехали бы. Эта работа была самой тяжелой из всего, чем им приходилось заниматься до сих пор в новой жизни. К вечеру все валились с ног в полном изнеможении, а приготовленное в подвале место заполнялось очень медленно. В какой-то момент пришлось отказаться и от тачек, из-за дождей дорога превратилась в сплошное месиво из грязи. Кукурузу носили в рюкзаках и сумках.

Накопившаяся многодневная усталость отупляла, а нужно было еще облазить соседские подвалы в поисках овощей. Решив действовать как Скарлет О Хара и подумать об этом позже, Ирина устроила выходной. Был уже конец октября, день выдался солнечным, но довольно холодным. Наслаждаясь бездельем, дети валялись на диване, играя с Васькой и Лисой Алисой. А Ирина пошла на улицу, чтобы оборвать плоды с куста шиповника, росшего за воротами. Она смутно помнила, как в детстве ее поили отваром шиповника при простуде.

«Тетя, ты живая?» – услышала она за спиной детский голосок.

Медленно повернувшись Ирина уставилась на девочку лет шести в ярко-красной курточке и с рюкзаком за спиной, а потом и на ее бабушку, вывернувшую из-за забора.

Глава 4.

Анна Михайловна и Софочка действительно были бабушкой и внучкой. Девочке было шесть лет, а бабушке шестьдесят девять. Жили они на другом конце города в спальном районе.

В то время, когда мир умирал, Софочка находилась в больнице. За три дня до этого ей удалили аппендикс. Принеся внучку домой на руках Анна Михайловна выхаживала ее, как могла. Несколько недель они провели в своей квартире на первом этаже многоэтажки. Бабушка ходила за продуктами в ближайший супермаркет и готовила для Софочки диетическую еду. Когда Анна Михайловна сочла девочку достаточно окрепшей, они стали обходить городские кварталы в поисках людей и в один прекрасный день наткнулись на надпись, сделанную Дашей и Антошкой. Чтобы дойти до места назначения, им понадобилось два дня. Софочка ехала на розовом трехколесном велосипеде, Анна Михайловна медленно шла пешком.

И вот они здесь. Первоначальный шок от встречи быстро прошел. Смеясь и плача одновременно, Ирина обняла обоих и повела домой. Спустя час они с Анной Михайловной готовили праздничный обед, а из гостиной доносилась веселая возня, детский смех, визги и собачий лай.

Анна Михайловна оказалась учителем музыки, учила детей играть на фортепиано в музыкальной школе. Самая бесполезная профессия по нынешним временам, как с иронией заметила она сама. Впрочем, от Ириной бухгалтерии толку было ничуть не больше. Невысокого роста, стройная, с коротко постриженными седыми волосами Анна Михайловна обладала тем неуловимым качеством, которое называют интеллигентностью. Оно не зависит ни от образования, ни от социального положения, но обладателей его можно отличить сразу. По глубокому убеждению Ирины, интеллигентом можно было только родиться. Интеллигентность передавалась по наследству, как наличие музыкального слуха. У Анны Михайловны был еще внук Егор, который уже полгода служил в армии и сноха, бывшая на заработках в Москве. Связи с ними не было. Сын Анны Михайловны умер несколько лет назад.

В тот день они выпили последнюю бутылку вина из хозяйских запасов и проговорили допоздна. Рассуждали, в основном, о болезни. Обе пришли к выводу, что она имеет генетическую природу. А причина их выживания в том, что они являются обладателями нужной комбинации генов и передали их по наследству детям и внукам.

Ирина была счастлива, что теперь рядом есть взрослый человек, с которым можно разделить бремя ответственности за их выживание, посоветоваться. Ее постоянно преследовал страх упустить что-то важное, беспокойство, как бы ее непредусмотрительность не оказалась роковой для семьи. Сейчас она чувствовала себя гораздо спокойнее и увереннее. Встреча с живыми людьми воодушевляла, возрождала надежду найти еще людей и придавала сил.

Еще много дней Ирина с детьми ходили за кукурузой. Анна Михайловна и Софочка оставались на хозяйстве. Они кормили кур, готовили еду. Разбив окно соседского дома и проникнув в подвал, перетаскивали оттуда запасы овощей.

Ирина вздохнула с облегчением, когда Анна Михайловна полностью взяла на себя заботу о курах. Сама она отчаянно побаивалась петуха и в курятник иначе как с лопатой наперевес не входила. Злопамятный петух косил на нее недобрый взглядом и постоянно ходил по пятам с настороженным видом, как продавец в ювелирном магазине за нагловатой цыганкой. Куры давали 30-35 яиц в неделю. Им хватало.

Однажды, вернувшись с детьми домой из очередного рейда за кукурузой, они с порога почувствовали одуряющий запах свежего хлеба. Настоящего хлеба хотелось уже давно. Ирина иногда пекла бездрожжевые лепешки на сковороде, но это было не то. Оказалось, Анна Михайловна и Софочка нашли в соседнем доме электрическую хлебопечку. Там же на кухне нашлась инструкция по ее эксплуатации с рецептами выпечки и небольшой запас сухих французских дрожжей. Вкусно было нереально. На семейном совете решили на следующий день совершить набег на гипермаркет. Помимо дрожжей, не мешало пополнить запасы продуктов, включая алкоголь.

Весьма сомнительным приобретением казались поначалу коза с козленком. Они попались им на глаза по дороге домой. Беленькая маленькая козочка совершенно очаровала всех

детей, и они уговорили Ирину и Анну Михайловну взять ее домой. Мама-коза безропотно и совершенно самостоятельно последовала за ними. Зная по опыту, что козье молоко обладает специфическим запахом, доить козу не планировали. Да и не умели. Посоветовавшись, решили, что очаровательный козленок к зиме подрастет и попадет на новогодний стол в качестве жаркого. Детям эту крамольную мысль озвучивать не стали. Коз нигде не запирали, они свободно гуляли по участку, ограниченные забором, и подъедали остатки травы.

Но вопрос с сеном решать надо было незамедлительно. Скоро зима. Где его взять Ирина знала. Живописные, аккуратные, ярко-желтые рулончики сена лежали на полях по обе стороны дороги из деревни в город. Оставалось прикатить парочку к дому. И здесь их поджидал сюрприз. Это издали они выглядели, будто игрушки, а вблизи рулоны оказались метра полтора в диаметре и тяжелыми, как чугунный мост. С большим трудом удалось вчетвером сдвинуть один с места и докатить до дома. На следующий день прикатили второй. Ирина переживала, что сено долго мокло под дождем и теперь сгниет. Но другого не было. Накрыв его остатками полиэтилена, в который она заворачивала труп хозяина дома, оставили сено за забором.

Множество вопросов крутилось в голове у Ирины: хватит ли на зиму сена козам и кукурузы курам; могут ли козы зимовать в неотапливаемом сарае или они замерзнут; не замерзнут ли куры зимой, быть может, их держат в этом курятнике только летом? Имевшая раньше дело лишь с хомьями и кошками, Ирина была тем еще зоотехником.

К счастью, Анна Михайловна – гордая обладательница дачного участка в шесть соток, без урожая с которого их семья бы не прожила, обладала обширными знаниями в сфере огородничества. По ее настоянию они с Антошкой съездили на велосипедах в магазин «Садовод», расположенный в паре километрах дальше по окружной дороге, чем гипермаркет, и привезли множество пакетиков с семенами, удобрения для растений, витаминную подкормку для кур, отраву для мышей и, главное, несколько весьма полезных книг. Вообще, Анна Михайловна оказалась очень приятным человеком. Проработав всю жизнь преподавателем в музыкальной школе, особых богатств она не нажила. Муж оставил ее еще в молодости, когда сын ходил в детский сад. Развелись они тихо, интеллигентно, без скандалов. Больше устроить личную жизнь она не пыталась, посвятив всю себя воспитанию сына и своим ученикам. На пенсию вышла, когда родилась Софочка, чтобы заниматься ей, пока родители зарабатывали на жизнь. После внезапной смерти сына внуки стали ее единственной радостью и смыслом жизни. Ирину подкупала ее житейская мудрость и излучаемое Анной Михайловной спокойствие. Сама она такой выдержкой похвастаться не могла.

Ее внучка была очень милой девочкой с серьезными голубыми глазами и толстой косичкой рыжеватых волос. Конечно, все произошедшее наложило на нее свой отпечаток. Но у шестилетнего ребенка психика очень гибкая, поэтому она быстро забывала плохое. Девочка оттаяла почти сразу. Антошка стал ее лучшим другом. Преодолев стеснение первых дней, она ходила за ним хвостиком и буквально не сводила глаз. Он был для нее авторитетом во всем. Свою лепту вносил и домашний «трогательный» зоопарк: кот, собака и козочка. И если кот ловко прятался от излишнего внимания, то остальным деться было некуда.

В свои шесть лет девочка уже хорошо читала, чем совершенно очаровала Ирину. За неимением детских книг Софочка с удовольствием читала вслух всем желающим подшивку журнала «Вокруг света» десятилетней давности, найденную в шкафу. Вслед за ней к книжному шкафу потянулись Антошка и Даша. Ирину удивлению не было предела, когда однажды вечером она застала их обоих с книгами в руках. Читали оба Агату Кристи. До этого момента читать отпрысков приходилось заставлять. Как и большинство детей их поколения, дети воспринимали чтение, будто тяжкий и нудный труд. И наповал убивали Ирину вопросами: «Зачем нам это читать? Как нам в жизни это пригодится?» Личный пример Ирины, вопреки устоявшемуся мнению, никак не помогал заинтересовать их, а её восклицания: «Ну ведь это же интересно!» выглядели жалким и неубедительным лепетом под их скептическими взглядами. Мать

с книжкой в руках была для Даши и Антошки древним динозавром. Пока мир неожиданно не изменился.

Исчезновение интернета, конечно, тоже сыграло свою положительную роль. Появилось свободное время, которое раньше тратилось на бессмысленное блуждание по сети. Ирина была рада исчезновению этой помойки. Вместе с ней канули в лету и «инстаграмные» девушки с надувными губами, грудями и задами, одинаковые, словно яйца из картонной коробки. Её давно занимал вопрос: можно ли потом вернуть их губы в нормальное состояние или гламурные куры изуродовали себя навсегда? Интересно, а как эти вареники на лицах будут выглядеть в старости? Ответ на этот вопрос она уже вряд ли узнает. Исчезли и брызжущие слюной ничтожества, щедро рассыпавшие гадкие комментарии по любому поводу и получавшие от этого почти физическое удовольствие, а также извращенцы всех мастей: от педофилов, до фанатичных последователей здорового образа жизни, питающихся строго пророщенными зернами пшеницы и только по четным числам. Потоки вранья, пошлости, низкопробного юмора ниже пояса выливались на Ирину всякий раз, когда она включала компьютер.

Телевизор был ничуть не лучше. Целыми днями по центральным каналам показывали либо политические ток-шоу, где кучи раскрасневшихся мужиков во весь голос пытались перерорать друг друга, споря до хрипоты, а порой и хватая оппонента за грудки, по давно набившим оскомину поводам; либо трясли грязным бельем двадцатилетней давности давно вышедшие в тираж певички или третьесортные спившиеся актеры, выясняющие кто, с кем, когда и где спал. Кому нужен был весь этот бред? Кто его смотрел? Среди своих подруг Ирине не удалось найти ни одной, кого интересовали бы подобные передачи. Как ведущие этого телевизионного фаст-фуда умудрялись говорить со скоростью пулеметных очередей, полностью игнорируя любые интонации, вызванные знаками препинания, так, что смысл сказанного можно было уловить далеко не сразу?

Выбирая из двух зол меньшее, Ирина все же предпочитала компьютер. Там хотя бы фильмы можно было выбрать по своему вкусу: неспешные, атмосферные, мрачноватые скандинавские детективные сериалы или экзотические южнокорейские костюмные зомби-ужасы.

В середине ноября резко похолодало. Проснувшись однажды рано утром Ирина увидела в окно слепящую белизну первого снега. Любуясь на эту красоту, она не сразу сообразила, что уже некоторое время слышит какие-то звуки во дворе. Подойдя к другому окну Ирина остолбенела.

Незнакомый мужик чистил на дорожке снег.

Глава 5

«Ну, здравствуй, хозяйка,» – спокойно поприветствовал он вышедшую на крыльцо Ирину.

Та невежливо молчала, рассматривая незнакомца. Среднего роста, худощавый, заросший седой щетиной, лет 55-ти на вид. Грязные джинсы с пузырями на коленях, теплая куртка с капюшоном, забрызганная грязью, невымытые длинные волосы с сильной проседью – видок у мужика был довольно бомжеватый. Смотрел он на нее чуть насмешливо, сощутив карие глаза в сеточке морщин.

«Не бойся, не обижу,» – с легкой ухмылкой пообещал он, сверкнув золотым зубом.

«Михаил»

«Ирина»

«Иди в дом, замерзнешь, я сейчас,» – снова берясь за лопату, фамильярно скомандовал он.

Михаил зашел в дом через пять минут, на пороге был облаян собакой и обнюхан котом. Потрепав обоих по загривкам, снял куртку и по-хозяйски прошел на кухню.

«Есть хочешь?» – сразу переходя на «ты» спросила Ирина.

«Как собака,» – признался Михаил. – «И чаю горячего, если есть».

От него веяло спокойствием и уверенностью в себе.

«Или я просто соскучилась по мужикам,» – сделала вывод Ирина, ставя разогревать остатки вчерашнего ужина и чайник одновременно. В дверях кухни показался заспанный Антошка и обалдело уставился на гостя.

«Давай знакомиться, Михаил,» – сказал тот, протягивая руку.

Следом потянулись остальные домочадцы. Дети поначалу были несколько скованны и смущены, только Анна Михайловна проявила добросердечие и радушие. Но обаятельная, чуть грустная и усталая улыбка нового знакомого быстро растопила лед.

Оказалось, Михаил приехал в деревню на мотоцикле еще на рассвете. Без труда нашел единственный жилой дом и, пока хозяева спали, успел осмотреть нехитрое хозяйство и даже почистить дорожку от снега.

Ему понадобилась всего пара дней, чтобы завоевать симпатии всех домочадцев. Анну Михайловну он покорила полным отсутствием ненормативной лексики. С Софочкой обстоятельно обсудил способы дрессировки обитателей домашнего зоопарка. Вместе с Антоном они пригнали из соседней деревни трактор с тележкой, привезя запас бензина в канистрах и какие-то инструменты и запчасти. Уже на следующий день Михаил начал учить его управлять трактором. Даше он отдал свой мотоцикл, пообещав научить водить его в ближайшее время. Вот только на Ирину он смотрел с вечно ироничной усмешкой, а сама она никак не могла определиться в своем отношении к нему.

Несомненно, Михаил был самым полезным членом их коллектива. Ирина понимала, что именно его знания, навыки и жизненный опыт помогут им пережить эту зиму. Первый снежок благополучно растаял через пару дней. Однако настоящая зима была не за горами. А по настоянию Михаила следовало переделать еще кучу дел, пока дороги не замело.

Ежедневно они вдвоем ездили в соседнюю большую деревню и привозили то полную тележку дров, собранных у бань и домов запасливых сельчан; то мешки с зерном со склада, замок которого Михаил срезал; то разные инструменты и пиломатериалы, чтобы приспособить один из соседских сараев для содержания коз.

Обнаружив на окраине деревни небольшой заросший пруд, оккупированный стайками суетливых уток и надменных гусей, они вернулись туда на следующий день с детьми, снаряженные дюжиной мешков из-под картошки. Гусей переловили, накидывая им на головы мешки.

Уток выманивали из воды зерном и упаковывали в мешки по две штуки. Птицу разместили в очередном соседском сарае.

Но заветной мечтой Михаила было найти корову. Большая часть сельскохозяйственных животных давно погибла без ухода человека от голода в запертых загонах и сараях или от того, что их не доили. Но, наверняка, были и те, кто, оборвав привязь или сломав загородку, бродили теперь на свободе. Их он и искал, объезжая окрестности день за днем. Пока безуспешно. Надежды Михаил не терял, запасая впрок сено.

С помощью трактора он расчистил дорогу до гипермаркета на перекрестке с окружной дорогой, аккуратно растаскивая и сталкивая на обочину машины, попавшие в аварии. Теперь до магазина можно было доехать на тракторе и пополнить запасы. Чем они и не преминули заняться.

Михаил был кладезем полезной информации. Он точно знал, что на зиму для одной коровы понадобится около 3-х тонн сена, а на козу хватит и 400 кг., как раз столько и весит рулон. Осмотрев курятник, он вынес вердикт, что куры вполне могут здесь зимовать потому, что он хорошо утеплен и оборудован инфракрасными лампами для освещения и обогрева. А вот место для зимовки гусей и уток еще предстояло оборудовать.

Дел было невпроворот. Рабочих рук не хватало. Теперь Ирина хорошо понимала, почему деревенские жители, пользуясь любой возможностью, перебираются жить в город. Слишком много однообразного, тяжелого, физического труда, слишком мало времени и сил на любимые увлечения, например, чтение. К вечеру сил у неприспособленного городского человека не оставалось ни на что. Зато все чаще тянуло расслабиться с бокалом вина. «Вот почему люди в деревнях часто спиваются, и я бы запросто могла,» – размышляла она. Удерживало ее от алкоголя еще одно обстоятельство. Когда она впервые за ужином предложила Михаилу что-нибудь выпить, тот просто ответил: «Я алкаш, мне нельзя». С тех пор алкоголь в доме был под негласным запретом. Михаил, вообще, не был склонен к душевным разговорам и откровенности, информацию о себе выдавал неохотно, маленькими порциями. Но общая картина все же сложилась.

Михаил родился в столице. Его отец – главный инженер одного из крупных заводов был всесторонне образованным и начитанным человеком. Его скоропалительный брак с матерью Михаила – недалекой провинциалкой, приехавшей покорять столицу и начавшей свой путь с должности хлебоукладчицы на хлебозаводе, многие знакомые сочли мезальянсом. Объяснялся он просто – яркая оборотистая провинциалка была беременна, а врожденная порядочность отца не позволила ему бросить женщину в таком положении. Брак не был счастливым. Бывшая хлебоукладчица осуществила свои самые заветные мечты: московская прописка в трехкомнатной квартире, статус замужней женщины и немаленькая зарплата мужа. Жизнь удалась. Инженер получил сына.

Михаил во всем походил на отца: и неприметной внешностью (хороши были только выразительные карие глаза), и математическим складом ума. Он рос спокойным, сдержанным и уравновешенным ребенком, прекрасно учился в школе, хорошо играл в шахматы, занимался плаванием. Михаил ничем не выделялся среди сверстников и лидерских качеств не проявлял. Друзья ценили его за надежность, добросовестность и порядочность. Девушки же предпочитали ему бунтарей с гитарами. Михаил закончил Московский автодорожный институт, поэтому с техникой был на «ты». Дальнейшая его биография была вполне стандартной: работал, женился, родился сын. Жена его – капризная красавица из Краснодарского края, искала в браке не столько любви, сколько способ устроиться в столице. И нашла его в лице впервые опьяневшего от страсти Михаила, излившего на нее и родившегося вскоре сына все накопившиеся запасы любви, заботы и нежности. Через несколько лет жена заскучала и стала благосклонно поглядывать по сторонам. В общем, обычная жизнь обычного человека.

Все закончилось в один вечер. Вечеринка по случаю дня рождения жены в баре закончилась безобразной пьяной дракой, в которой визави Михаила получил тяжкие телесные повреждения и, проведя полтора месяца в коме, скончался, не приходя в сознание. Михаил, разумеется, получил срок и пока отбывал его в одной из мордовских колоний жена с ним развелась, вскоре вновь выйдя замуж. Сын был совсем маленьким, когда Михаил сел, и совсем большим, когда вышел. Он был единственным родным ему человеком в тот момент, родители уже умерли. Но отец – бывший заключенный никак не вписывался в вполне благополучную жизнь мальчика, сын его стеснялся и откровенно избегал общения. Внутренний стержень, который позволил Михаилу продержаться все время в колонии, сломался. Пришло осознание того, что он один на этом свете и никому не нужен. Помыкавшись еще какое-то время в столице, он махнул рукой на себя и свою жизнь. Михаил уехал в соседнюю область в деревню, устроился работать механизатором и, по русской традиции, запил.

Вымирание человечества он благополучно проспал пьяным. Мучаясь страшным похмельем, Михаил вышел на улицу после полудня, намереваясь купить холодного пива и подлечиться. Увидел он там примерно тоже, что и Ирина. Но до магазина все-таки дошел, взял в холодильнике пива, обойдя мертвую продавщицу, и, опохмелившись, проспал до следующего утра.

Протрезвевший и не бравший с тех пор в рот ни капли, на следующий день он обошел каждый дом в своей деревне. Затем, реквизировав чужой мотоцикл, объехал все соседние населенные пункты и, никого не найдя, направился в сторону ближайшего городка. Его странствия продолжались пару недель прежде, чем он наткнулся на первого живого человека – суровую, молчаливую бабку Люду 84-х лет от роду. Апокалипсис мало повлиял на ее образ жизни. Нелюдимая и неприветливая, она одиноко существовала на окраине небольшой деревеньки живя, в основном, своим хозяйством. Особой радости при виде Михаила она не выказала, но и гнать не стала. Живи, раз пришел. Некоторое время он жил у бабки – днем помогая по хозяйству, а по вечерам рассказывая о своих странствиях. В один прекрасный вечер она посадила его перед собой и серьезно глядя в глаза сказала: «Поезжай ты, милоч, отсюда. Поищи людей. Знать, не одни мы с тобой живые. Я-то помру скоро, а ты один не сдюжишь.» И в этом старая карга была абсолютно права. Человек – животное социальное. Каждому (включая самых упертых интровертов) время от времени нужно общение, внимание, забота, а, если повезет, и любовь. И Михаил не был исключением. В этом новом мире одиночество пугало его больше всего. Мудрая бабка позволила ему отогреть душу подле себя и теперь отправляла в мир. Было страшно уехать от единственного живого человека, но встреча с ней вселяла надежду найти и других людей. А один он не сдюжит, в этом бабка права на все сто.

Михаил уехал на следующий день. Направился в областной центр, рассудив, что уж в полумиллионном городе кто-нибудь должен был выжить. В опустевшем городе с черными проплешинами от пожаров уже поселилась разруха. Ветер гонял по улицам мусор вперемешку с осенними листьями. Под ногами размокали в лужах рекламные листовки из серии: «наша хрень – самая хреновая хрень в мире». Из развороченного киоска Роспечати вывалились на улицу кипы газет. Новости, еще вчера кому-то столь важные: о всемогущих русских хакерах, опять заповоротивших демократические выборы в суверенной стране, многомиллиардном воровстве очередного губернатора или пьяной выходке какой-нибудь сериальной звездочки потеряли свою актуальность раз и навсегда. Все, что только когда-нибудь имело значение, кроме еды, одежды и теплого убежища на зиму, больше было неважно. Глен, прах, бессмысленность, мусор, в котором теперь копошились крысы и голуби. Но по вечерам, когда становился виден свет в окнах многих домов, сияла неоновая реклама над магазинами и горели уличные фонари, город казался живым. Эта иллюзия была пугающе реальна и завораживала Михаила.

К ним он попал благодаря все тем же надписям, оставленным детьми. Увидев только женщин и детей, мало приспособленных к жизни в деревне, Михаил сразу понял, что здесь он

на своем месте. Забота о них возвращала ему давно потерянный смысл жизни. Пожалуй, они нужны были ему не меньше, чем он им. А Ирина ему сразу приглянулась.

Неизвестно, выжил бы Михаил один, вопреки предсказанию старой карги, но Ирина с детьми без него точно пропали бы.

Накануне погас свет.

Глава 6.

Удивительно, что электричество не отключилось раньше. В прошлой жизни это происходило регулярно, во время каждой грозы. Но не больше, чем на пару часов. Теперь, похоже, отключилось навсегда.

Все знали, что рано или поздно это произойдет. Но оказались морально совершенно не готовы. Отсутствие электричества сильно осложняло жизнь. Стало не только темно, но и холодно. Котел, обогревающий дом и греющий воду, тоже был электрическим. Больше не было вкусного хлеба и чистой одежды. Приходилось привыкать жить по-новому: без горячей воды, стиральной машины, электрической духовки и хлебопечки.

Все были подавлены и с трудом приспосабливались к новым реалиям. Хорошо, хоть газ пока был. Иногда Михаил запускал электрогенератор, чтобы не замерзла система отопления в доме, и все, пользуясь случаем, принимали горячий душ. Но происходило это не так часто, как хотелось бы потому, что запасы топлива были не безграничны. В остальное время выручала печка, благо запасти дров удалось много. В доме было довольно прохладно, исключая кухню и смежную с ней гостиную. Туда и решили переселить на время детей. Для Даши и Софочки предназначался широкий раскладывающийся диван, а кровать для Антошки принесли сверху. Ирина радовалась своей предусмотрительности – запасенных теплых одеял и меховых тапочек хватило бы на роту солдат.

Царившее в доме уныние навевало грустные мысли. Блага цивилизации в виде электричества, водопровода, канализации и газоснабжения будут исчезать одно за другим. Восстановить их не хватит ни сил, ни средств, ни технических знаний. Через некоторое время они будут жить как в средневековье – натуральным хозяйством, совершая редкие набеги в городские магазины за одеждой и другими вещами, которые не смогут сделать сами. Пусть еще вчера мы запускали марсоходы (спорим, Curiosity протянет на Марсе дольше, чем человечество на Земле), строили атомные подлодки и роботов, проводящих хирургические операции. Сегодня все это не имело ровным счетом никакого значения. Ведь каждый отдельно взятый человек, выкинутый из привычной среды, совершенно беспомощен и не может обеспечить себя даже электричеством. Они барахтаются, словно слепые кутята в проруби, которых топят практичная хозяйка.

А кто тот практичный хозяин, который пустил ко дну человеческую цивилизацию? Наверняка, неадекватные политики с непомерно раздутым самомнением (а адекватных людей в этой сфере, по твердому убеждению Ирины, и быть не могло, сплошь павлины, шуты и «решалы») в погоне за мировым господством, бездумно подчиняющиеся им военные (откуда только берется такое огромное количество инфантильных мужчин, не забывающих свою голову никакими мыслями, а тупо исполняющих самые абсурдные приказы? Ведь быть послушными овцами так просто. Чего только стоит излюбленная фраза всех убийц в военной форме, включая нацистских преступников, «я просто выполнял приказ», оправдывающая, по их убеждениям, любое зверство) и жадные до денег транснациональные корпорации, производящие всякую гадость: от автоматов до биологического оружия, для процветания которых необходимы непрекращающиеся войны. И неважно чьи. Результат один. Доигрались. Если в мире еще осталась справедливость, то все они должны были сдохнуть первыми в адских муках.

Ее же дети так и останутся неучами, а возможные внуки и таблицы умножения знать не будут, превратившись в совсем уж пещерных людей. Но если с отключением электричества Ирина ничего поделывать не могла, то проблема с образованием детей была отчасти решаемая.

Во время поездок в соседнюю деревню она заприметила здание школы. А где школа – там учебники и, возможно, небольшая школьная библиотека. Анна Михайловна с жаром поддержала идею домашнего обучения детей, Михаилу оставалось только согласиться и свозить

Ирину в школу. Здание было закрыто. Увы, снова пришлось ломать замки на дверях. Зато школьная библиотека не разочаровала. Полные комплекты учебников для каждого класса, дидактические материалы, справочная и художественная литература – Ирина с энтузиазмом собирала все. Михаил наблюдал за ней со своей обычной ироничной усмешкой.

Дома дети разбирали привезенные книги с не меньшим энтузиазмом. Неужели по школе соскучились? Софочка бала просто в восторге от обилия детских книг, ей больше не придется читать старые журналы. Михаил, как обладатель высшего технического образования, вызвался объяснять детям физику и математику. И делал это на редкость спокойно и терпеливо. Анна Михайловна взяла на себя литературу, а Ирина – русский язык, географию и историю. Проблемы возникли с химией. Никто из взрослых ее не знал. Из всего школьного курса химии Ирина помнила лишь загадочное слово валентность, смысл которого, впрочем, был давно и прочно позабыт. И это был определенно не тот предмет, в котором можно разобраться, самостоятельно почтаив учебник. Софочку по программе первого класса обучали Анна Михайловна и Даша, которой роль учительницы пришлась по душе.

Наступила зима. Дни протекали довольно однообразно, по сложившемуся распорядку дня. Утро начиналось с приготовления для кормления птицы того, что Михаил назвал «влажная мешанка»: запаривали сено и добавляли туда кусочки овощей и корнеплодов. По вечерам птицу кормили зерном. Куры безвылазно сидели в курятнике и в темноте и холоде почти перестали нестись. А вот гуси с видимым удовольствием прогуливались по улице не меньше часа в день. Днем по очереди занимались с детьми. Антоша помогал Михаилу обустроить сарай для гусей и уток. Даша осваивала мотоцикл, пока дороги не занесло снегом. Софочка дрессировала во дворе Лису Алису и безымянную козочку.

Михаил по-прежнему часто отправлялся на поиски коровы. В тот день, когда установился постоянный снежный покров ему пришла в голову идея осмотреть все места, подходящие для водопоя. И действительно, возле одного небольшого еще не замерзшего пруда он обнаружил свежие следы на снегу. Долгожданную корову он подкараулил на следующий день, да не одну, а с теленком – маленьким бычком. Вот уже несколько дней они стояли в сарае и непрерывно производили навоз. Работы по кормлению и уборке еще прибавилось. Молоко корова, правда, тоже производила. Доить ее умел, конечно, только Михаил. Приходя в сарай, он сначала гладил ее и разговаривал так ласково, будто женщину соблазнял. Ирина, пересиливая свой страх перед животной, всегда сопровождала его, давая корове возможность привыкнуть к ней. Сначала просто стояла рядом, потом училась доить. Но трусила отчаянно. Корова это чувствовала и снисходительно посматривала на Ирину свысока с чувством собственного превосходства. Первую партию творога из собственного молока торжественно съели за завтраком как редчайший деликатес. Делать творог научил, разумеется, Михаил. А Ирину теперь круглосуточно преследовал запах навоза.

Самым приятным временем суток был вечер. Благодаря стараниям Анны Михайловны чаепития за большим столом на кухне стали ежевечерней традицией. Болтая о том, о сем, на этих домашних посиделках при свечах можно было расслабиться и скинуть груз проблем прожитого дня.

В то памятное утро все шло как обычно. Ирина вышла из дома и, шурясь от солнца и слепящего снега, отправилась к козам, решив покормить их первыми. Издалека заметила, что дверь в сарай, закрывавшаяся на простую вертушку, распахнута настежь. А подойдя, медленно попятилась назад. Навстречу ей, скаля зубы и негромко рыча, выходила большая собака. Ее морда была перемазана в крови. В дверной проем Ирина видела еще как минимум двух крупных собак, раздирающих и пожирающих растерзанных коз. Ирина медленно отступала назад по дорожке к дому, лихорадочно соображая, что делать. Под мышкой у нее была охалка сена, в руке – ведро с зерном. Как средство защиты не годилось ни то, ни другое. Она надеялась,

что, прогнав ее достаточно далеко, собака вернется к трапезе в сарай. Но та, похоже, решила на десерт съесть человечинки.

От раздавшегося позади оглушительного рева мотоцикла непроизвольно дернулись обе. «В сторону!» – закричал Михаил, направляя мотоцикл прямо на собаку. – «Беги домой.» Едва успев отпрыгнуть с дорожки и уронив ведро и охапку сена, Ирина стремглав припустила к дому. Рев мотоцикла спугнул стаю бродячих собак, выскочив из сарая, они ретировались в дыру под забором. Их оказалось четыре, все довольно крупные, беспородные, наглые и голодные. От коз остались только рожки на ножки. «Софочка будет безутешна!» – отстраненно подумала Ирина. Вернувшись к дому, Михаил молча обнял ее и поцеловал в лоб. Это было так неожиданно приятно, что на минуту она забыла даже пережитый страх.

«Нужно ружье!» – озабоченно хмурясь сказал он.

«У меня есть!» – подняв глаза тихо сказала Ирина.

«И стрелять умеешь?» – удивленно улыбнувшись спросил Михаил.

«Нет!» – призналась она.

Михаил был уверен, что собаки не оставят их в покое. В городе больше нет помоек, на которых они раньше кормились. Человечина, которой они, возможно, питались долгое время, с приходом морозов замерзла. А здесь столько всего вкусного и добыча легкая. Пока он долго и обстоятельно чистил и смазывал оружие, из дома никто не выходил. Затем, под вооруженным конвоем, сходили покормить всю скотину. Цепочки собачьих следов вились повсюду, но самих их видно не было. Остатки козьих туш из сарая убирать не стали, надеясь, что они послужат приманкой. Собаки вернутся их доест, и Михаил их пристрелит.

Собаки вернулись, когда стемнело. Вылезая из дыры под забором, они по-хозяйски пробежались по участку, помечая территорию, и направились к сараю. Их темные тела хорошо были видны на снегу. Михаил успел выстрелить дважды. Одна псина осталась лежать у сарая, вторая, пронзительно скуля, ползла по дорожке, таща за собой задние ноги. Две другие ускользнули в дыру под забором. Но далеко не ушли. В течении нескольких следующих дней собачьи следы, отчетливо видные на свежевыпавшем снегу, обнаруживались повсюду. А под забор из сетки, окружающий курятник, явно пытались сделать подкоп.

Решив устроить ночью засаду в курятнике Михаил твердо и решительно отказался взять Ирину с собой. «Все будет хорошо!» – успокаивающе сказал он, проведя кончиками пальцев по ее щеке и устало улыбнувшись. Он ушел, оставив Ирину в смятении. И вовсе не из-за собак.

В тот день, когда Михаил поцеловал ее в лоб, у Ирины будто глаза открылись. Она перестала видеть в нем лишь ходячую энциклопедию и мастера на все руки. Чувство благодарности мгновенно переросло во что-то другое. Или это произошло уже давно? А поцелуй послужил лишь спусковым крючком, чтобы выпустить это чувство наружу. Или она нафантазировала все это? В любом случае, она была в смятении. Его пристальный взгляд и насмешливая улыбка волновали ее против воли.

Впервые за долгое время Ирина пристально посмотрела на себя в зеркало. Куда-то исчезли вся её мягкость, округлость и податливость. Жесткая складка залегла вокруг рта. Взгляд стал колючим и озабоченным. За последние три месяца она немного похудела. Хоть какая-то польза от физического труда! Здоровый румянец на щеках и почти полное отсутствие темных кругов под глазами – ей определенно на пользу жизнь на свежем воздухе и отсутствие ночных бдений за компьютером. Волосы давным-давно пора покрасить и брови привести в порядок. И с руками надо что-то сделать, за последнее время кожа на них сильно огрубела. Но в целом она осталась такой же, какой и была. Не красавица, но и не чудовище. Самая обычная, ничем не выделяющаяся в толпе женщина.

Обратили бы они внимание друг на друга в прошлой жизни? Едва ли. Да и точек соприкосновения никаких: деревенский алкоголик и городская дамочка с претензией на интеллектуальность, живущие в сотне километров друг от друга. Ирина была холодновата. Неземные

любовные страсти были ей неподвластны и обходили ее стороной даже в молодости. Она была вполне довольна ровными, спокойными, устоявшимися отношениями с мужем, и «налево» ее совсем не тянуло. Зачем искать приключений на свою голову, если дома уже есть все то же самое? Секс Ирина считала самым переоцененным занятием на свете, а все эти нелепые телодвижения в пароксизме страсти находила просто смешными. Ирина уже и не помнила, когда ее последний раз волновали мужские прикосновения.

Спать она не собиралась. Поэтому, дожидаясь Михаила, нашла косметичку и занялась собой. Он вернулся еще до полуночи, подстрелив одну собаку. Вторая убежала.

Этой ночью Михаил впервые пришел к ней.

Глава 7.

Все произошло так просто и естественно, будто они знали друг друга много лет. В этом не было безумной страсти, скорее безграничная нежность и немного похоти. Они не сказали друг другу и пары слов, даже когда потом лежали обнявшись. Уже наутро Ирина сама заметила, что будто оттаяла, стала мягче. Куда-то ушла терзавшая ее нервозность. Приятно было на время забыться в его объятиях, чувствуя заботу и нежность сильного мужчины. Однако она относилась к произошедшему вполне прагматично. Единственные Бог знает на сколько километров в округе мужчина и женщина не могли не оказаться вместе в постели. Это было неизбежно. Хорошо, что он ей приятен, а не противен. Михаил ей нужен. Без него им с детьми не выжить.

Единственной проблемой было отсутствие контрацептивов. В свое время, запасаясь лекарствами в ходе мародерского рейда в аптеку, Ирина и подумать не могла, что они ей могут понадобиться. Кто же знал?

Бродячая собака больше не появлялась, дыру под забором засыпали. Поэтому Ирина и Михаил решились оставить своих домашних одних на день и съездить в город. Снега выпало пока немного, и Михаил был уверен, что они смогут проехать на тракторе. Была у поездки и еще одна цель. Он хотел обновить надписи об их местонахождении, сделанные три месяца назад детьми и оставить новые в других частях города и на рекламных щитах вдоль окружной дороги.

Снег и правда почти не мешал, а вот брошенные и разбитые автомобили изрядно. Потихоньку объезжая их или аккуратно сталкивая трактором в сторону, они медленно продвигались вперед. Город был великолепен в своем снежном безмолвии. Присыпанные снежком, исчезли следы от пожарниц и полуразложившиеся трупы людей на улицах. Он был чистеньким, белым, нарядным, как костюм снежинки для утренника в детском саду.

Пока Ирина оставляла надпись на подходящей стене, Михаил успевал проехать метров 300. Утопая по щиколотку в снегу, она догоняла трактор и путь продолжался. Таким образом они ползли уже четыре часа, добравшись до большого спального района на другом конце города. Тележка трактора постепенно заполнялась: продукты, мотоблок, коптильня, коробка с оборудованием для производства сыра в домашних условиях, упаковки с гвоздями и какими-то нужными железками.

«Кажется нас ждут новые деликатесы?» – спросила Ирина.

«О, да, еще какие!» – с загадочным видом заинтриговал ее Михаил.

В списке покупок оставался только один пункт – патроны. Их оставалось мало, а одичавших собак много.

До оружейного магазина с говорящим названием «Ворошиловский стрелок» оставалось недалеко. Заприметив подходящую стену Ирина отправилась делать надпись, а Михаил поехал дальше. Прибежав через пять минут на его крик, она застала такую картину: магазин пытались взломать самым варварским способом – выломав железную решетку из оконного проема. Она валялась в отдалении, присыпанная снегом. Стекло было разбито, а под окном громоздились ящики, с помощью которых легко было забраться внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.